

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

# ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО



Издательство АСТ  
Москва

**УДК 141.339**  
**ББК 86.42**  
**О-63**

*В оформлении издания использованы иллюстрации  
из архива Shutterstock.*

*Составление, преамбулы к текстам, комментарии  
Александра Маркова.*

*Перевод В.А. Алексеева, М.Л. Гаспарова,  
В.О. Горенштейна, Ф.Ф. Зелинского.*

### **Цицерон, Марк Туллий**

**О-63** Ораторское искусство : хрестоматия / Марк Туллий Цицерон; сост., преам., коммент. А. Маркова ; пер. В.А. Алексеева, М.Л. Гаспарова, В.О. Горенштейна, Ф.Ф. Зелинского. – Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Мудрость великих).

ISBN 978-5-17-147168-2

Марк Туллий Цицерон — блестящий оратор и политик, современник Гая Юлия Цезаря, заставший крах республиканских институтов Рима. Философия и риторика в его понимании были неразрывно связаны — философия объясняла, почему гражданин должен быть добродетельным, а риторика показывала, что даже один гражданин может стать убедительным для всех сограждан.

В новую книгу серии «Мудрость великих» вошли отрывки из риторических трудов Цицерона, показывающие, какими качествами должен обладать оратор, а также фрагменты из политических сочинений, в которых раскрывается природа государства и законов. В третьей части приведены три из пяти Тускуланских бесед, содержащие размышления о важнейших философских вопросах — как остаться доблестным, славным и счастливым перед лицом смерти и тем самым обрести бессмертие души и гражданское бессмертие. Все тексты снабжены подробными комментариями и разъяснениями профессора РГГУ Александра Маркова.

**УДК 141.339**  
**ББК 86.42**

ISBN 978-5-17-147168-2

© А.В. Марков, составление, преамбулы  
к текстам, комментарии, 2022  
© ООО «Издательство АСТ», 2022



# И З Р И Т О Р И Ч Е С К И Х

# Т Р А К Т А Т О В

В эту часть книги включены фрагменты из двух важных трактатов — «О наилучшем виде ораторов» (пер. В.А. Алексеева, Ф.Ф. Зелинского) и «Оратор» (пер. М.Л. Гаспарова). Мы порой воспринимаем риторику исключительно как практический навык говорить ярко и убедительно. Но для Цицерона риторика — не просто увлекательные выступления, это театр, где встречаются все граждане и вместе вырабатывают серьезную государственную позицию. Для Цицерона плох ритор, который просто воздействует на толпу, и хорош ритор, который толпу учит ответственному суждению. Цель Цицерона — доказать, что ритор-философ всегда победит просто ритора: последний не защищен ни от безвкусицы, ни от напыщенности, ни от следования готовым образцам, тогда как ритор-философ критически относится к ним, скромнен и осторожен, и поэтому его «актерство» гораздо привлекательнее даже для публики, поначалу ему не доверявшей.

В трактате «О наилучшем виде ораторов» Цицерон формулирует, как ритор может раскрыть собственные таланты, с опорой на разные жанры литературы и разные привычки восприятия. Цель трактата — показать, что хороший оратор может работать в любом жанре, употреблять любые честные аргументы и тем самым способствовать процветанию всех сторон жизни государства.



Трактат «Оратор» дает ряд практических советов, касающихся подбора слов и аргументов, выбора стиля и стратегии убеждения. В отличие от греческих предшественников, Цицерон много внимания уделяет самому представлению, ходу выступления, говорит об импровизации и амплу оратора как актера. Для него важно, чтобы оратор не просто выбирал между сухостью и строгостью аттической школы и пышностью и эффектностью азиатской школы, этих двух соперничающих риторических школ, зародившихся, соответственно, в Афинах и на греческом Ближнем Востоке, но понимал недостатки обеих школ и то, что простое следование учебным рецептам, даже самым прекрасным, идеального оратора не создаст. Цицерон бывает очень ироничен, споря и с аттицистами, и с азианистами; но при всем политическом консерватизме он призывает оратора к обновлению своего инструментария и неожиданным импровизациям.

## О НАИЛУЧШЕМ ВИДЕ ОРАТОРОВ

Ораторов разделяют на категории так же, как и поэтов; это сопоставление, однако, неправильно. Поэзия действительно разнородна: и трагедия, и комедия, и эпос, и мелическая лирика, и дифирамб — все они обладают своими особыми свойствами, отличающими их от других; так в трагедии комические элементы считаются ошибками, в комедии — трагические, да и в остальных разновидностях есть свой определенный стиль, свои известные сведущим людям приметы.

**Категории** — в оригинале «роды», Цицерон говорит о частом в его времени делении ораторов на



разряды в зависимости от преобладающей стилистики в речах. Стиль понимался в риторической культуре как соответствующий предмету, более того, изобретающий предмет: о высоком предмете лучше говорить высоким слогом, и сам он тогда будет выглядеть высоким, о грубых вещах — грубым слогом и т.д. Но в массовом восприятии, против которого возражает здесь Цицерон, эти свойства могли переноситься на самого оратора, как мы часто ошибочно представляем актера и в жизни в его актерском амплуа или столь же ошибочно предполагаем счастливую жизнь писателя, пишущего о счастливых событиях.

**Мелика** — способ исполнения лирического произведения: например, сольное или хоровое исполнение. Последнее требовало участия нескольких музыкантов, с разными инструментами — одни инструменты задавали ритм, а другие — определяли движение мелодии. Можно условно сопоставить сольную лирику с нашим романсом, а хоровую — с рок-поэзией.

**Дифирамб** — песнь в честь Диониса, торжественная хоровая песнь на несколько голосов. Цицерон выделяет ее в отдельный вид, вероятно, из-за сложного строения, включавшего разные песенные партии, что сближало дифирамб с трагедией.

**Приметы** — буквально: «голос», то есть обусловленное литературным жанром музыкальное решение, по которому мы узнаем жанр с самых первых звуков исполнения.

Если же кто и ораторов разделяет на несколько разрядов, объявляя одних «возвышенными», или «величавыми», или «богатыми», других — «простыми», или «тонкими», или «немногословными», третьих — «средними» между теми и другими — то



он дает этим скорее характеристику представителей, чем самих родов красноречия. Действительно, рассуждая о роде, мы имеем в виду идеал; говоря о представителе, мы берем его, каков он есть. Так в эпосе мы можем исходить от его главы — если кто считает его таковым — Энния, в трагедии — от Пакувия, в комедии — скажем, от Цецилия.

**Идеал** — буквально: «лучшее». Цицерон часто настаивает, что в каждом роде есть некий идеальный тип. Его можно сконструировать, созерцая лучшее в вещах такого рода. В частности, обосновывая риторическое «изобретение», то есть нахождение лучшего предмета для речи, Цицерон вспоминал древнегреческого живописца Зевксиды. Ему для создания портрета Елены Троянской понадобилась не одна модель, а несколько, и только тогда он смог воссоздать предполагаемый облик Елены. Этот анекдот о Зевксиде стал хрестоматийным и до сих пор влияет на представление о художественной литературе как выводящей «типы», «типажи».

**Глава** — буквально: «вершина», общее для античной риторики и истории литературы представление, что основатель жанра является его законодателем, классиком. Цицерон называет римских основателей этого жанра. Он оспаривал этот тезис применительно не только к ораторам, но и к поэтам, предполагая, что до Гомера были другие поэты, он замечал, что «не бывает ничего одновременно новоизобретенным и уже совершенным».

Ораторское же искусство я не стану разбивать на разряды, если мне нужен его идеал. Идеал его один; кто от него отдаляется, тот отличается от него не родом, как Теренций от Акция, а степенью внутри одного и того же рода. Идеальный оратор — тот, кто в своей речи и поучает слушателей, и доставляет



им наслаждение, и подчиняет себе их волю; первое — его долг, второе — залог его популярности, третье — необходимое условие успеха.

Если поучение и наслаждение приписывались и канонической письменной речи (по крылатому выражению Горация, «смешивать приятное с полезным»), то третье качество, причинение возбуждения, требовало исполнения, перформанса. Весьма трудно передать это *moveo* (буквально: «двигать, двигаю»), одним русским словом: можно сказать и «трогать», как мы говорим о «трогательном рассказе», и «возбуждать», как мы говорим «возбуждать интерес», и «толкать» или «влечь», как мы говорим «дает толчок» или «увлекательный, привлекательный, влекущий». В любом случае речь идет не о провоцировании поступка, но об определенном душевном расположении, в том числе для совершения поступков и для размышлений.

К этому идеалу иной приближается более, другой менее; но это различие количественное, а не качественное. Идеал, повторяю, один; степенью сходства с ним определяется и близость к нему отдельных представителей; отсюда видно, что чем менее кто с ним схож, тем он хуже.

Учение о совершенстве в искусстве как приближении к заранее данному идеалу менее всего похоже на тот поиск оригинальности и необычности, которым славится античная эстетика. Но заметим, что для Цицерона единственность идеального образа оратора означает, что мы имеем право говорить об ораторском искусстве как едином роде деятельности, независимо от тематики или стилистики. Такой идеал — своего рода аксиома, от которой мы отсчитываем степени совершенства ораторов, но эту аксиому никогда не развертываем и не



характеризуем — она служит инструментом характеристик, но не предметом.

Объяснюсь точнее. Так как речь составляют слова и мысли, оратор первым делом должен стремиться к тому, чтобы — говоря вообще чистым и правильным языком, что мы и разумеем под своим требованием «латинской» речи — изящно уметь обращаться со словами, как в их прямом, так и в их переносном значении, а именно: из прямых выбирать наиболее подходящие, из переносных — те, которые представляют наиболее точек соприкосновения, соблюдая притом меру при заимствованиях из чуждых областей.

Требование избегать сложных, напыщенных метафор, выдвинутое еще в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля и затем воспроизводившееся в любых риторических пособиях, дополнено требованием уместно употреблять слова в прямом значении, иначе говоря, выбирать из нескольких синонимов наиболее подходящий: стилистические задачи смыкаются здесь со смысловыми. «Изящно» — латинское слово *eleganter* — означает не столько «элегантно» в привычном нам смысле, сколько «отборно», отобрав самые полновесные и потому убедительные слова.

Мыслей же столько же родов, сколько и достоинств в красноречии: для поучения требуются мысли меткие, для доставления удовольствия — остроумные, для убеждения — веские. Затем, и чередование слов подчинено особым законам, цель которых двойная, ритм и благозвучие, — и мысли должны следовать друг за другом в особом порядке, именно том, который нужен для доказательства данного положения. Фундаментом всего этого мы должны признать память, сверкающей

верхушкой — исполнение. Итак, вот что я хочу сказать.

**Благозвучие** — буквально: «легкость», способность текста быть легко воспринятым на слух.

**Память и исполнение** — четвертый и пятый этапы работы оратора, после «изобретения» (поиска подходящих аргументов), «расположения» (поиска нужных композиционных решений) и «произнесения» (пробного исполнения, которое позволяло найти нужный ритм и тон речи). Сверкающая верхушка (*lumen*) — образ яркого дня, противопоставленный фундаменту, лежащему в темной земле.

Кто всеми указанными средствами располагает в наивысшей степени, тот будет совершенным оратором; кто в средней — посредственным, кто в низшей — дурным. Но ораторами они будут все, так же, как и живописцами мы называем и плохих представителей этого искусства, и отличаются они друг от друга не своими специальностями, а степенью своего таланта.

**Степень таланта** — буквально: «работоспособность, способность легко что-либо сделать», *facultas*, что, скорее, ближе к нашему «профессионализму».

И вот причина, почему нет оратора, который не желал бы быть похожим на Демосфена; напротив, Менандр не желал походить на Гомера — условия его поэзии были другие. Вот именно этого качественного различия в ораторском искусстве нет; если же и встречается, что один в погоне за величиной пренебрегает тонкостью, другой ради меткости жертвует красивым слогом — то это встречается только на средней, а не на высшей ступени.





Высшая же ступень принадлежит тому, кто все достоинства в себе совмещает.

**Менандр** (342–291 до н.э.) — крупнейший представитель «новой аттической комедии» — бытовой, в отличие от политической Аристофана. Цицерон для убедительности берет представителей двух наиболее непохожих литературных жанров (в оригинале стоит не «условия», а «род»).

Все это изложено мною в более кратком виде, чем этого требовала тема, но для моей ближайшей цели и сказанного достаточно. Мы установили, что идеал один; теперь спрашивается, где его искать. Отвечаю: в том красноречии, которое процветало некогда в Афинах. Но в том-то и дело, что аттические ораторы знакомы людям гораздо более по своей славе, чем по своей силе: отсутствие у них недостатков замечено многими, многочисленность же достоинств — мало кем. Под недостатками мы разумеем: по отношению к мысли — логическую превратность, отсутствие связи с делом, недостаточную меткость, привкус пошлости; по отношению к словам — испорченность, вульгарность, несвойственность, жесткость, чрезмерную изысканность.

**Сила** (*vis*) — примерно соответствует нашему выражению «раскрытие таланта». Цицерон имеет в виду, что афинских ораторов (Атика — область вокруг Афин) все ценят за безупречность речи как образец хорошего стиля речи или письма, но при этом мало кто понимает, в чем их особый талант.

**Привкус пошлости** — буквально: «некоторая пресность», отсутствие остроумия, однообразие без требуемой иронии и шуток, скучное и претенциозное изложение.



**Чрезмерную изысканность** — буквально: «слишком долгую обработку», отсутствие некоторой небрежности считалось дурным вкусом.

Этого, разумеется, избегли как аттики, так и их последователи; если вся заслуга только в этом и состоит, то пусть они считают себя и здоровыми, и крепкими, но лишь в свойственной каждому ученику палестры мере: он может прохаживаться по колоннадам гимнастических зал, но не состязаться из-за олимпийского венца. Мы же будем подражать — если хватит сил — тем, которые, будучи свободны от недостатков, не довольствуются добрым здоровьем, но стремятся приобрести силы, выпуклые мышцы, обилие крови, приятный цвет кожи; если же не хватит, то все же скорее безукоризненно здоровым, какими были все аттики, чем болезненно тучным, каковых во множестве произвела Азия.

**Палестра** — в Древней Греции спортивная школа, площадка для профессиональных спортивных занятий. Колоннада, или портик (ксист) — необходимая часть гимнастического зала, крытая часть сооружения, предназначенная для упражнений в плохую погоду.

**Обилие крови** — античность не знала кровообращения, поэтому обилие крови (сангвинизм) отождествлялось с энергичностью. Образ ленивой и потому толстеющей Азии в очередной раз доказывает склонность Цицерона к грубым шуткам, примеры которых приводит Плутарх в своем «Жизнеописании Цицерона».

Имея в виду эту вторую цель, мы — если мы только ее достигнем, что не так-то легко, — будем подражателями Лисия и специально его простоты (дело в том, что и он во многих местах говорит



возвышенно; но, так как он большею частью писал речи частного характера, да и те для других ораторов, и притом о маловажных делах, то он производит впечатление писателя сухого, нарочно изощрившего свой талант в области мелких процессов).

**Лисий** (ок. 445 – 380 до н.э.) – афинский оратор родом из Сиракуз, создавший образцовый стиль судебного красноречия. Его речи, направленные на скорейшее убеждение судей, действительно лишены украшений, довольно сухи и фактичны. Цицерон говорит, что речи Лисия посвящены частным вопросам, отдельным юридическим случаям и поэтому он сух, как скромная пища, лишен привлекательного изобилия разных фигур речи.

Человек, достигший этой цели – но только этой и поэтому не способный при всем желании говорить «обильно» – может называть себя оратором, но только из разряда меньших, так как великому оратору необходимо владеть высоким стилем, если встретится соответственное дело.

**Обилие** – термин риторики, означающий умение рассматривать множество тем, сопоставлять разные предметы, ссылаться на множество фактов, в противовес тому, как судебная речь сосредоточена только на слушаемом деле. Сопоставления при этом бывали неожиданными, и получался высокий стиль: способный вскружить голову, заставляющий почувствовать масштаб происходящего, меняющий отношение слушателей сразу ко многим вещам.

Так-то Демосфен, несомненно, сумеет говорить простым стилем, Лисий же возвышенным – не всегда. Если же мои противники воображают, что было уместно – в то время как форум и все окружающие форум храмы кишели солдатами, – говорить



за Милона точно так же, как если бы я вел частное дело перед единоличным судьей, то они к ораторскому искусству прилагают мерило собственного таланта, а не самого предмета.

Цицероновская речь в защиту Милона была посвящена вооруженному политическому конфликту, и в ней мы находим множество признаков высокого стиля: частое употребление превосходной степени, неожиданные сравнения и метафоры, вроде «опаленный» в значении «переживший пожар», приведение скандальных фактов, восклицания, упреки и призывы. Скандальные расследования тоже относились к высокому стилю, так как изумляли всех присутствующих и производили на них неотразимое впечатление.

Они между тем усердно распространяют мнение, одни — что именно они-то и говорят по-аттически, другие — что из наших так никто не говорит. С первыми я спорить не буду: им достаточно ответил их собственный опыт, состоящий в том, что они или не приглашаются в поверенные, или, будучи приглашены, вызывают насмешки (именно насмешки, а не смех: смех — примета аттического красноречия).

**Смех** — «аттическая соль», понимался не как высмеивание, а как умение вызвать смех, неожиданный для самих слушателей. Аттическое красноречие должно было воздействовать не столько на воображение, сколько на привычные чувства, — и поэтому неожиданный для самого смеющегося смех как бы встряхивал его чувства, становился приправой к ним как соль.

Что же касается тех, которые оспаривают мою прикосновенность к аттическому стилю, сами не



выдавая себя за ораторов, — то, если они обладают чуткостью уха и тонкостью суждения, их можно привлечь в качестве критиков на тех условиях, на каких при оценке картины привлекают также и тех, которые, не будучи живописцами, умеют, однако, здраво судить о живописи.

**Здрaво** — в оригинале буквально: «с некоторой находчивостью»; имеется в виду умение зрителей понимать не только что изображено, но и как изображено, как устроено само ремесло. Цицерон говорит о способности слушателей, не учившихся ораторскому мастерству, познавать существенные особенности аттического стиля.

Если же все их знание состоит в их неспособности поддаваться обаянию речи и им поэтому не нравится высокий и роскошный слог, то пусть они так и говорят, что они требуют от оратора лишь тонкости и гладкости рассуждения и не признают величавой и прекрасной речи. Но пусть они перестанут называть ораторов тонких единственными представителями аттического, т.е. здорового и чистого, стиля; речь при всей своей чистоте торжественная, прекрасная и обильная, тоже свойственна Аттікам.

**Гладкость** — в риторике не столько ровное изложение, сколько отсутствие украшений, привлекающих внимание и мешающих сосредоточиться на теме слушателям, у которых плохо развиты воображение и эмпатия, которые не умеют «поддаваться обаянию речи».

Но и помимо того: если нам предстоит выбор между речью только удовлетворительной и речью, возбуждающей кроме удовлетворения еще и восторг, — может ли наш ответ быть сомнительным?



Это касается уже не вопроса об аттическом, а вопроса об идеальном красноречии.

А так как лучшие из греческих ораторов были афинские, их же глава несомненно, Демосфен, то отсюда следует, что тот, кто воспроизведет стиль Демосфена, будет заодно и самым аттическим и наилучшим оратором. <...>

## ОРАТОР

<...> Ибо что может быть тяжелее, чем решить, каков лучший образ и как бы лучший облик речи, когда славные ораторы так не похожи друг на друга? <...> Итак, ты все чаще меня спрашиваешь, какой род красноречия нравится мне больше всех и каким я представляю себе то красноречие, к которому ничего уже нельзя прибавить, которое я считаю высшим и совершеннейшим? Но тут я боюсь, что если я выполню то, чего ты хочешь, и обрисую такого оратора, какого ты ищешь, этим я ослаблю усилие многих, кто в бессилии отчаянья откажется посягать на то, чего не надеется достигнуть.

**Образ** (species) – обычный для Цицерона перевод греческого слова «идея», внешний вид, образец. Здесь приобретает еще оттенок «замысел», «проект», в отличие от «облика» (figura, перевод греческого слова «схема»), что можно было бы понять и как «конструкцию» речи, и как производимое ей «впечатление». Тем самым в начале трактата поставлен вопрос, что лучший замысел непременно получит – и должен получить – лучшее воплощение, причем о замысле говорить несколько проще, чем о воплощении.

Но по справедливости, на все должны посягать все те, в ком есть желание прийти к цели великой